

Очень растерялся Михаил Иванович Шульпин, когда, примерно через год после смерти жены Лизы, понял, что практически все его контакты, все его связи, все его знакомства в этом мире существовали только благодаря ей, и организовывала их она, его ненаглядная. Да и всю жизнь его устраивала супруга, а он только существовал в этой жизни. Даже его контора “Нотариус Шульпин”, его “частная лавочка”, как он её называл, постепенно перешла под крыло какой-то дальней Лизиной многоюродной племянницы, которую он когда-то по рекомендации супруги и приветил, и пристроил, и в дело ввёл. А теперь вот — не интересна стала вдруг ему его же работа.

Заходил Михаил Иванович в свой офис всё реже и реже: сначала старался бывать там каждый день, пусть хоть на час, а со временем стал появляться в своей “лавочке” раз в неделю и то “внехотячку”. И видели все сотрудники, что не работается Михаилу Ивановичу. Но не догадывались они, что и жить ему не больно-то уж и хотелось. То есть так жить, как сейчас все живут, не хотелось, а хотелось как-то по-другому: тянуло его куда-то в прошлое. Ностальгировал он, что ли, таким специфическим образом.

Улицы он стал называть на советский манер: вместо Варварки — Фигнер, а вместо Покровки — Свердловка, начал снова в киосках газеты покупать,

а в библиотеке, в которую записался, взял книгу Семёна Бабаевского “Кавалер Золотой Звезды”, которую в детстве читал.

Жил он теперь один в своей двухкомнатной квартире, но грустно было ему и скучно в ней одному. А вот гулять по улицам Михаилу Ивановичу вдруг полюбилось: нравилось ему вспоминать, что было на месте того или иного нового дома пятьдесят лет назад, и кто из друзей или знакомых здесь жил когда-то, где располагались какие магазинчики продовольственные или книжные, или какие кинофильмы и в каких кинотеатрах в добрые старые времена крутились. Глядя на идущие трамваи, вспоминалось ему, как ловко он умел на ходу запрыгивать и спрыгивать с подножки. Представлял Михаил Иванович себе и будки телефонные, стоявшие раньше на каждом большом перекрёстке, из которых он в молодые студенческие годы звонил знакомым девушкам, да и Лизе тоже, когда жениться начал. А то так и вовсе: стали ему мерещиться номера телефонов пятизначные, к которым буквы потом стали прибавлять. И что ведь память делает — номер подкинет, а рядом лицо! А друга этого или девушки этой любимой давно уже нет.

И вот тут, с памятью, надо было что-то делать — побаиваться начал Михаил Иванович, что однажды она может его подвести: не то чтобы откажет, а наоборот — подкинет какую-нибудь каверзу, с которой надо будет бороться. Ведь уже случилось раз: он встал около кафе “Дружба”, или как-то оно по-новому теперь называется, и стал дожидаться, когда троллейбус подойдёт, забыв, что не ходит троллейбус по этой улице уже почти сорок лет. Хорошо, что не стал, как дурак старый, у прохожих спрашивать, где тут троллейбусная остановка, — сам вспомнил, что нигде!

Появилась у него ещё одна новая домашняя забава: перелистывая старую книгу городской телефонной сети, находил Михаил Иванович много знакомых фамилий, вспоминал что-нибудь про их обладателей интересное и набирал этот старый пятизначный номер. Конечно, там никто не отвечал, но и не рассчитывал он на то. Просто это игра такая.

Хотя предупреждал его старый товарищ с детских лет, Вовка Охотов, профессор, замечательный хирург, рыбак, охотник, бабник, единственный человек, с кем Шульпин продолжал поддерживать отношения уже лет пятьдесят, что игры с прошлым очень опасны: в прошлом хранятся такие секреты, которые лучше не вытаскивать. Охотов прямо-таки обеспокоился этим новым увлечением Михаила Ивановича и, каждую неделю отзваниваясь с очередным приглашением съездить на рыбалку, просто умолял его бросить эту новую дерзкую, как он сам её называл, забаву.

Домашние телефоны почти все снимали уже: мобильными пользуются. Только старики по привычке хватаются дома за телефонную трубку. Михаил Иванович относил себя уже к категории стариков и любил свой старый дисковый телефонный аппарат, хотя и с айфоном, и с компьютером, и с другими гаджетами он был на “ты” и от их услуг не отказывался. Однажды, листая телефонный справочник, он и Лизин старый номер домашнего телефона в нём разыскал, там ещё её девичья фамилия была пропечатана, и жила она — этих домов-то уже и нет.

Михаил Иванович набрал в тот раз номер Лизин: В-3-79-58. После двух длинных гудков на другом конце сняли трубку:

- Баня! — сказал мужской голос.
- Как баня? — удивился Михаил Иванович.
- Так, баня.

Михаил Иванович положил трубку. Он удивился не тому, что там оказалась баня, а тому, что там подняли трубку. Но ответить сразу на этот вопрос: как это получилось? — Михаил Иванович не смог, а потом уже просто и забыл про такой казус.

Ну, и ещё — странные сны стали сниться Михаилу Ивановичу. Вообще-то ему редко сны снились — ну, там раз в год, и то одни и те же, к тому же простенькие: как он экзамены в институте без подготовки сдаёт и не может сдать, и ещё один, страшный — будто катится он с крыши высокой и крутой, но не падает, а просыпается. А чтобы философские какие-то, как Татьяна Лариной или Вере Павловне, или у Достоевского которые описаны, —

нет, не бывало. Ну, понятно — писатели напридумывают такого, чего в жизни-то и не дождёшься.

А тут вдруг приснилось, будто он женится, и женится снова на своей Лизоньке, только на молодой, той — двадцатилетней. И такая нежная она с ним, и кожа у неё бархатная, и губы сочные, и талия упругая и податливая. А что со старой Лизой — не поймёшь: то ли она умерла, но почему-то не похоронена, то ли она всё же не умерла! Потому что она и не рядом, но невдалеке стоит и не то что не одобряет новую женитьбу Михаила Ивановича, а просто корит его и взглядом, и мимикой. И стыдно Михаилу Ивановичу, и чувствует он, что ещё придётся ему с его старой Лизой объясняться. А что объясняться, если он на ней же женится, только на молодой, а потому ни измен, ни предательств в этом никаких нет. От стыда пришлось Михаилу Ивановичу проснуться.

2

То, что умом он немного тронулся, Михаил Иванович уже прекрасно понимал. Понимал он также и то, что на пенсию просто так не отправляют; правда, его и не отправляли — он сам ушёл и уже оформил все бумаги, и даже “ветерана труда” получил. Только всё равно кормился он со своей нотариальной конторы, и не только в финансовом плане, а в том смысле, что уж очень много секретов знал старый нотариус Михаил Иванович о своих любимых горожанах-согражданах.

Ведь не только примитивные доверенности на вождение чужой машины оформляют у нотариуса, что может сделать и зелёная девчонка, а и серьёзные наследства на бумажках, запёртых в сейфе у Михаила Ивановича, уже разделённые, лежат. Если подумать, то становится понятным, что к нотариусу обратится за оформлением завещания по наследству только тот, кому есть, что завещать, и есть, кому завещать, притом по-хитрому завещать, с условием. А если имеются скрытые семейные тайны, о которых до поры до времени не должен никто знать? Имеются в виду не измены и внебрачные дети, а примитивные обиды или симпатии, которые могут меняться, и меняются очень часто. А с возрастом эти обиды и новые симпатии могут возникать и пропадать каждый день.

И вот тут хлебом не корми Михаила Ивановича, прямо подпитывается он на этих информациях и духовно, и физически. И материально, конечно, но это его последнее время уже не очень интересовало. А ведь все эти старухи, которые каждый день готовы менять свои завещания, хотя и не дворянки какие-то там столбовые, но всё равно, как “из бывших”, ходят уже плохо и просят обычно Михаила Ивановича приехать к ним домой для фиксации нового своего каприза. А живут они часто если и не во дворцах, то в таких хоробах, о которых простым нашим гражданам лучше и не знать. Ведь это по телевизору покажут особняк какого-нибудь министра-жулика или артиста-миллионера и что? Картинка и картинка. А внутри!.. Это всё равно, что по телевизору балет смотреть или аромат новых духов распознать, глядя на их же телевизионную рекламу, — сути и прелести не узнать! Надо эти чудо-избушки изнутри увидеть и разобраться в тех чудесах, которые в них припрятаны.

Живут эти старухи, а часто и не старухи, а молодые вдовы, в домах своих мужей или зятьёв, но записаны эти особняки и коттеджи на них, на старух. И тешат себя эти хозяйки тем, что могут пока что распорядиться всем хозяйством, временно порученным им. И позванивают эти неожиданные владелицы несметных богатств Михаилу Ивановичу Шульпину, а тот — на такси и к ним уже летит. Сам за руль после смерти Лизы он не садился — возможно и неуютно чувствовал себя на водительском месте. Машину свою племяннику отдал, и возит тот Шульпина на базар по выходным. А к клиентам важным лучше на такси — Михаил Иванович предпочитал клиентов своих в секрете держать.

Но странное дело — сразу после похорон жены и профессиональная активность, и интерес к чужой жизни у Михаила Ивановича стали пропадать.

Раньше в таких домах коллекции картин или икон, или фарфоровых статуэток мейсенских, или кинжалов восточных его не просто восхищали, а вызвали любопытство, и просил он хозяев просветить его. Такое внимание было хозяевам приятно, и читалась тогда Шульпину популярная лекция. Ведь приходилось ему давать рекомендации и по страхованию таких коллекций, которые хозяева не очень-то хотели светить.

Раньше такие визиты могли затягиваться на целый день, иногда с обедами, а уж чаю отпить или фужер хорошего вина — так это обязательно. Теперь Михаил Иванович к посторонним и малозначимым беседам стал не просто охладевать, а они его начинали тяготить. Он понимал, что такое его отношение активно мешает делу, что клиента надо расположить, чтобы тот мог довериться его, Михаила Ивановича, советам при принятии решения, но ничего поделать с собой не мог. Раньше он готовился к таким поездкам: подбирал галстук или бабочку, смотрелся в зеркало — хорошо ли повязано кашне, а теперь почему-то не думалось ему даже об этом. Часто, ещё только-только зайдя в прихожую и вытирая носовым платком пот со лба, он просил принести ему стакан холодной воды, а выпив его, начинал понимать, что напоминает сам себе чеховского дворника или извозчика, а в лучшем случае — постаревшего Ионыча. Но тут же Михаил Иванович брал себя в руки и, входя в гостиную, был предупредителен, галантен и вежлив.

3

В мае городской телефон зазвонил неожиданно. Первый раз за год, наверное. Михаил Иванович снял трубку.

— Миша? — с характерным акцентом произнёс дребезжащий и вроде бы знакомый, но всё равно неузнанный голос.

— Да, это я, Михаил Иванович Шульпин. А, простите, вы кто будете?

— Миша, это я, тётя Дора Штейн. Ты приедешь?

— Куда мне надо приехать, тётя Дора? — без раздражения и даже с долей иронии ответил Шульпин, спешно соображая, кто бы это мог его разыгрывать.

— Ты всё шутишь, Миша? Ко мне ты хотел приехать.

— А куда мне надо приехать, в Канавино или на Маяковку? — решил подыграть незнакомце или незнакомцу Михаил Иванович, вспоминая, что тётя Дора была хорошей портнихой и подругой его мамы, и, по самым скромным подсчётам, ей должно быть сейчас уже больше ста лет.

— Конечно, на Кооперативную, то есть на Маяковку, куда ты с папой и с мамой своими ещё приходил! Помнишь?

И тут до Михаила Ивановича дошло, что это не розыгрыш. Он даже оцепенел. Холодком неприветливым потянуло из телефонной трубки.

— Приезжай прямо сейчас, если сможешь. А не сможешь — приезжай завтра с утра. Дело серьёзное и спешное, и разговор у нас будет долгий и не телефонный.

— Тётя Дора, да я сейчас и приеду, только напомните мне адресок ваш — полвека уже прошло, а то и больше: запомнил я, где вы живёте.

— Миша, а ты знаешь ресторан “Волгу”?

— Помню, конечно. А что теперь там?

— Что теперь там, что теперь там! Я уж не знаю — что теперь там, а вот рядом с рестораном есть арка. Заходи в эту арку, увидишь гору ящиков деревянных, а дальше — кучу шлама, между ними вход в наш подъезд. Поднимешься на второй этаж, увидишь дверь, обитую жёлтой клеенкой, на ней марка номер шесть, это моя квартира. Дверь будет открыта, торкнись и заходи. Я тебя уже буду ждать. А ты лакаголь какой пьёшь?

— Да, нет, не пью я.

— Хорошо, тогда чай будем.

— Хорошо, тётя Дора, я приеду.

— Миша, я тебе до сих пор не сказала, что звоню я по поручению твоего папы покойного, должна я тебе передать бумаги кое-какие для тебя важные.

— Да, хорошо, тётя Дора, я к вам сейчас подъеду.

Наконец-то Михаил Иванович вспомнил тётю Дору Исааковну, подругу молодости папы и мамы, толстую портниху с базедовой болезнью, которая обшивала маму и многих маминых подруг, и её квартиру с постоянными в ней мелкими племянниками, сопливыми и орущими. Квартира та была трёхкомнатная, большая, но бестолковая: она просто под потолок была забита всякими ненужными вещами. Ещё Шульпин вспомнил, что в том же дворе-колодце, но в другом подъезде собирался многие годы городской неофициальный миньян, и приходил он в этот двор за компанию со своим школьным товарищем Мариком Шмуклером перед тем, как тот уехал в Израиль.

Вообще-то Маяковка в советские времена была на весь город известна не только своей еврейской общиной, но и тем, что от Ромодановского вокзала и до Ивановской башни Кремля она вся была беспардонно занята воровскими малинами, подпольными катранами, точками скупки краденого и ночными шинками — этакий истинный центр городской теневой жизни. И почему, если уж кому-то так захотелось, её в Рождественскую переименовали, если она раньше Кооперативной была? Кооперативная куда как больше ей подходило.

Михаил Иванович двинулся к тёте Доре пешком. Сначала по родным городским переулкам, потом через Кремль по Ивановскому съезду на Кожевенную. Мимо бывшего цеха разлива, где производился “Солнцедар”, самое жёсткое вино для самых суровых мужчин эпохи застоя. А там и Рождественская, уже отреставрированная или реконструированная и облитая майским солнцем, вся в брусчатке, в ресторанчиках и в кафе, и без привычного трамвая. А вот это обидно: трамвай — первый признак городской среды.

В своём длинномолом старомодном плаще и велюровой бежевой шляпе Шульпин несколько выделялся в праздничной весенней толпе молодёжи, тусившей на этой выставочной улице. Май безобразничал и гулял. Девчонки красовались в ободранных шортах, потряхивая своими упругими завлекалочками, а молодые мужчины и пацаны в майках с вызывающими надписями обнажали напоказ свои накачанные за зиму в тренажёрных залах бицепсы.

Михаилу Ивановичу всё здесь было любопытно. По непонятной причине не появлялся он на этой почти центральной улице города уже пару лет, а может, и больше. И сейчас, внимательно приглядываясь к обновлённым фасадам, платным парковкам, заставленным машинами, ярким витринам, широким тротуарам, Шульпин не мог определиться, нравятся ему такие перемены или нет! Эти противоречивые чувства боролись в нём до тех пор, пока он не дошёл до нужного ему двора. Чугунные ворота в арке были перекошены так, что нижние створки их были залиты асфальтом уже много раз и много лет назад.

Михаил Иванович даже невольно улыбнулся: что-то родное привиделось ему в этих воротах. Во дворе было мрачно и сыро, несмотря на жаркий солнечный день. Посреди двора лежала лужа. Два кота, рыжий и белый, но оба до безобразия грязные, стояли, выгнув спины и истошно орали. Ящики и кучу шлама Михаил Иванович разглядел без труда, и подъезд тёти Доры определил тоже.

4

В подъезде было темно. На второй лестничной площадке Михаилу Ивановичу пришлось достать мобильный телефон и с помощью включённого экранчика разыскивать дверь с цифрой шесть, обитую жёлтой клеёнкой.

Дверь была не заперта. Шульпин вошёл. В квартире никого не было. Из кухни негромко доносился голос Джоржи Марьяновича с его “Маленькой девочкой”.

Он снял шляпу, положил на полку при входе и прошёл в залу, большую комнату с квадратным столом посередине. В этой комнате, за этим самым столом когда-то давным-давно мама с папой играли в “козла” с тётей Дорой и её подругой, в то время как маленький Миша играл в комнате налево

с местными детьми. Мужа у тётки Доры уже не было: он погиб на фронте. Направо, помнилось Михаилу Ивановичу, была спальня тётки Доры.

На столе лежала записка на вырванном из ученической тетради листке, написанная корявым дрожащим стариковским почерком. “Миша! Дождись меня. Я скоро буду. Ушла за твоими бумагами. Тётя Дора”.

За какими бумагами — Михаил Иванович не понял.

Он подошёл к окну, заклеенному ещё с зимы газетными полосками, плотно заклеенному — с улицы не было слышно никаких звуков. Потом он заглянул в обе смежные комнаты, но заходить не стал: впечатление было, что туда никто не заходил уже много лет, там было сумрачно и пыльно. Шульпин провёл пальцем по крышке пианино, стоявшего у дальней стены, — слой пыли и на нём был более чем изрядным. Наверху инструмента стояли два подсвечника, фарфоровый бюст Чайковского, серебряная ханукия и множество выгоревших фотографий каких-то незнакомых людей в старинных рамках.

Он осторожно поднял крышку, разглядел сверкнувшую тусклым золотом надпись *Diederichs Freres* и дотронулся до клавиш — раздался противный дребезжащий звук расстроенного напрочь инструмента.

Он закрыл крышку и как-то интуитивно понял, что никогда не дождётся тётки Доры.

Аккуратно водрузив на голову шляпу, Михаил Иванович посмотрелся по привычке в мутное зеркало, но ничего в нём не разглядел.

Выходя, открыв дверь на площадку, он увидел, что у лестничных пролётов перил не было совсем! Нет — они когда-то были, но вот уже много лет... Пятнадцать минут назад он мог тут и ногу сломать, и голову свернуть, поднимаясь в темноте. Спускался вниз Михаил Иванович, держась за стенку.

Котов во дворе уже не было, зато на куче мусора радостно жировали воробьи. Он вышел сквозь арку со двора. Солнышко зашло, но было ещё светло. По всей улице лежали огромные лужи, — видимо, прошёл дождь. Мимо продребезжал трамвай.

Михаил Иванович внутренне улыбнулся и, сообразив, где находится, развернулся и вошёл в ресторан, в тот незабываемый ресторан “Волга”, которого, поговаривали, что уже и нет...

В зале пахло кухней, было почти пусто, за одним столиком сидели двое командированных с графинчиком водки, на нависающем балкончике играл маленький оркестрик и ярко накрашенная певичка пела что-то про ландыши. Прыщавый мальчик-официант с блокнотиком в руках и в белом несвежем переднике подскочил тотчас. Михаил Иванович заказал осетрину с хреном, цыплёнка-табака, двести коньяку и “боржоми”.

Осетрина была замечательная: не переваренная, кусочки толстенькие, хрен острый и в меру сладкий. “Табака” был великолепный: прекрасно отбит, но косточки не переломаны, с поджаристой корочкой и сочный, а поджаренный во фритюре чеснок, которым цыплёнка посыпали, был очень ароматен и кстати.

Командированные за соседним столиком сначала были очень возбуждены, пока пытались привести тройной интеграл по замкнутому контуру к табличному с помощью формулы Грина. Но по мере более углублённого изучения содержимого графинчика, их речь становилась значительно осмысленней: заговорили о рыбалке, и Шульпин понял, что лов чехони в Ярославле, откуда да те прибыли в командировку, в самом разгаре.

Выходя из ресторана и отдавая мелочь, затерявшуюся в кармане, “на чай” швейцару в гардеробной, Михаил Иванович подумал, что в чём-то его друг детства Вовка Охотов прав. А в чём-то — неправ! Однако к тётке Доре Штейн Шульпин не пошёл, а пошёл пешком домой, решив, что срочно снимет свой стационарный телефон, и в эти выходные он с Вовкой Охотовым на рыбалку обязательно поедет, на любую рыбалку поедет. И, кстати, надо будет ему подсказать, что чехонь пошла, — пусть думает, куда ехать, чтобы не пропустить самый-то клёв.

КОСМЕИ НИНЫ ВЕРЁВОЧКИНОЙ

Каждый год, как только майские праздники на носу, я имею в виду День Победы, так у всех библиотечных работников и школьных учителей одна проблема: где найти ветерана войны, чтобы тот выступил перед ребятами. Всем этим ветеранам, которые если и воевали, то уже за девяносто, — чего они помнят? Насмотрятся кинофильмов по телевизору, а потом про себя и фантазируют. А ведь и те, кто родился после войны, могут вспомнить много чего интересного, к той великой войне отношение имеющее.

Случилось дело это, про которое я хотел рассказать, прямо после войны, ну, может, там несколько лет прошло. Жила у нас во дворе противная тётка, тётка Мария. Сама была она маленькая, но крепкая, и голос визгливый, когда орёт на кого, — до сих пор помню. Три дочки были у неё: одна довоенная, вторую родила в сорок втором, чтобы на рытьё окопов не посылали (с двумя детьми не посылали), а третья получилась на радостях, что муж живой с войны пришёл, её Ольгой звали, и она мне ровесницей была. Муж тётки Марии на заводе работал, а она сама нигде не работала — по двору целые дни шлялась и порядок наводила.

Дворы те деревянные, послевоенные, в центре крупных старых купеческих городов, надо знать, какие были: и домком обязательно был, и дворник свой, и участка своего все знали. Двор, в котором жила тётка Мария, был проходным между двумя центральными городскими улицами и состоял как бы из трёх разных дворов, сильно различавшихся своими жильцами в социальном плане и соединённых тропинками. В центре этого жилого массива стоял щитковый двухэтажный довоенной постройки дом, который назывался “дом специалистов”. И двор этот назывался “двор специалистов”.

Проходным между сараями он соединялся с другим двором, вокруг которого стояли несколько деревянных развалюх с сырыми подвалами, в которых кое-как кто-то жил. К этим развалюхам или баракам лепились сортиры и помойные ящики, выкрашенные белой извёсткой, покосившиеся сараи, наспех сколоченные из горбыля, и назывался он “грязный двор”. На другую улицу из “двора специалистов” можно было пройти через третий двор, в центре которого стоял двухэтажный полукаменный купеческий особняк.

Если скандал какой или драка пьяная, то это в каждом дворе самостоятельно происходило. А как ребятам играть в прятки или в снежки, то это во дворе специалистов все дети собирались. В этом дворе и дорожки к подъездам красным кирпичом были выложены, и песочница с грибом была, и детские качели, и турник, и клумбы с цветами всякими; если в других дворах — золотые шары да лупиносы только, то тут и циннии, и аквилегии, и пионы, и всякие другие благородные цветы. И у каждой хозяйки — свой палисадничек или грядка, или клумба хотя бы.

Вот о такой клумбе и пойдёт у меня речь.

Жили в “доме специалистов”, кроме тётки Марии, ещё две замечательные женщины. Может, жили какие-то ещё известные люди в том доме, только я никого больше не запомнил конкретно. А вот Нину Верёвочкину из второго подъезда с первого этажа и Юлию Павловну, которая жила над Ниной и занимала две комнаты с дочкой своей, помню хорошо.

Юлия Павловна была женой полковника Кроля, лётчика, который служил где-то на Севере в засекреченной части, и приезжал к своей семье раз в год. Тогда они с Юлией Павловной и дочкой втрём покупали путёвки и ехали на месяц отдыхать в какой-нибудь санаторий на юг: или в Гагры, или в Пицунду. А целый год Юлия Павловна, женщина яркая и кокетливая, шла себе наряды и гуляла по городской набережной. Ну, правда, и дочкой своей занималась. Из-за мужниной фамилии звали все во дворе эту полковничиху “королевой”.

Раз в неделю к Юлии Павловне приходил мужчина — крупный, самостоятельный, в костюме и кепке. Правда, костюм был у него всегда потёртый и на локтях лоснящийся. Дядька этот садился во дворе на скамеечке, выкуривал папиросу и уходил. А почти сразу же из подъезда выплывала Юлия Павловна: потупив взор, на каблучках, виляя задом, пряча руки в чёрно-бурюю

муфту зимой или придерживая под мышкой крокодиловую сумочку летом, она, как бы извиняясь перед всеми присутствующими во дворе, улыбалась, кивала головой и, не глядя в то же время ни на кого, уходила семеня вслед за тем, в кепке.

Женщины во дворе почему-то относились к этому её развлечению снисходительно. Почему — не знаю! Видимо, жалели её: при живом муже такая красота без употребления пропадает, да и больно уж жалостливо и виновато Юлия Павловна поглядывала на соседней своих по дому, когда торопилась на свидание со своим инженером. Мы были уверены, что он инженер. Полковник Крость с ней всё равно развёлся потом, и инженер этот её по фамилии Давыдов переехал жить к ней в “дом специалистов”.

К чему я так подробно про Юлию Павловну? А потому, что в том же подъезде, но на первом этаже жила в такой же коммунальной квартире Нина Верёвочкина, с дочкой тоже, но в одной комнате. Все во дворе эту Нину Верёвочкину уж больно не любили. Хотя и женщина она была не скандальная, и вдова фронтовика, и аккуратная такая. Не нравилась всем женщинам из “дома специалистов”, да и с соседних дворов Нина Верёвочкина за то, что заходил к ней изредка очень солидный мужчина в шляпе, которого мы, ребята, между собой называли “шкаф”.

Его всегда подвозил чёрный “ЗИМ”, который останавливался на улице перед воротами, а “шкаф” шёл к Нине Верёвочкиной через весь двор, ни с кем не здороваясь. И обязательно он нёс с собой заказной торт в специальной квадратной кондитерской коробке из щепы.

В общем, из-за этого “шкафа” и не любили многие во дворе Нину Верёвочкину.

Однажды, не знаю, по какому поводу, тётка Марья и Нина Верёвочкина подрались. Подрались они крепко, в кровь, да ещё и по-злому как-то. И вот вся разодранная и окровавленная тётка Марья сидит на земле возле входной двери в подъезд и кричит благим матом на весь двор своей младшей дочке Ольге:

— Беги бегом в милицию, веди их сюда, скажи, что мать твою убивают!

Маленькая пятилетняя Ольга, тоже вся в слезах, стоит перед мамкой своей и плачет:

— Мамочка миленькая, я не пойду в милицию, я боюсь.

— Иди, дрянь паршивая, а то я сама тебя сейчас убью!

Вот так примерно разговаривала тётка Мария со своей дочкой.

Бежала пятилетняя Оленька через две улицы мимо водной колонки, мимо магазина, где в очереди много раз стояла или сидела она на ящиках, разглядывая и запоминая циферки, написанные химическим карандашом на ладошке, мимо Дома связи. Прибежала она в отделение милиции, а там, в отделении, столпотворение какое-то и смесь из мужиков страшных и милиционеров сердитых. Стоит Ольга в уголке, в коридоре, и плачет, слёзы размазывает по щекам. Но тут заметил её какой-то начальник в красивой форме и спрашивает:

— Кто тебя, девочка, обидел?

— Меня никто не обижал, а мамку мою сейчас убивают, и она велела мне милиционеров привести, а то она сказала, что меня сама убьёт. А она и убьёт, я знаю и боюсь.

— Тебя как зовут-то, девочка?

— Оля, — ответила Оля.

— А где ты живёшь, Оля, и где твоя мама?

Но тут вышел в коридор Коля Крестов, наш участковый, и узнал Олю.

— Крестов, а ты знаешь эту девочку, что ли? — спросил у Крестова его начальник.

— Конечно, — ответил милиционер Крестов, — это с моего участка девочка, и зовут её Оля.

— Так вот, Крестов, — говорит ему начальник, — возьми табельное оружие и пойдёшь разберись, кто и кого у тебя во дворе там убивает.

— Хорошо, — отвечает Крестов, — только зачем мне табельное оружие? Я и так всех там знаю.

— Я сказал, возьми оружие, значит — возьми. Мне лучше знать, куда с оружием ходить, а куда — без оружия.

— Слушаюсь, возьму, — ответил Крестов и пошёл брать из сейфа оружие.

— А что, дядя Коля, — спросила Оля у своего участкового, которого она, конечно, хорошо знала, — вы в маму и в Нину Верёвочкину из пистолета стрелять будете?

— Нет, Оленька, не буду, — отвечал Костров, — у меня и патронов-то нет.

Когда участковый Крестов с пятилетней Ольгой пришли во “двор специалистов”, то, конечно, никакой тётки Марьи у подъезда, где видела её родная дочь в последний раз, уже не было. Но очень быстро выяснилось, что тётка Марья вместе с Ниной Верёвочкиной сидят у Верёвочкиной дома и пьют чай с тортом. Пришли туда участковый Крестов с девочкой Олей, а те две смотрят на них, как дуры наивные, будто и драки не было.

— Я чего-то не понял! — говорит Коля Крестов. — А кто кого из вас убивает, и почему я здесь?

— Ой, Коля, да ты присаживайся, — говорит Нина Верёвочкина участковому нашему.

И достаёт она при этом из шкафчика графинчик с беленькой, а в беленькой, в графинчике том, лимонные корочки плавают, настаивают её. Видимо, этот графинчик предназначался для “шкафа”, но вот и участковому нашему перепало.

— Хорошо, я выпью с вами, женщины хорошие, только вы мне должны рассказать, что за причина была у вашего конфликта, а то, не ровен час, он повторится, а я и не буду знать причин. Опять же — дитё в слезах, — говорит наш участковый Коля Крестов.

— Да, глупость всё это, — говорит тётка Марья, — не бери в голову, Коля.

— Ну, если я не буду такого в голову брать, то зачем я?

— Тогда слушай. Вот у нас тут во дворе под окнами все кусочки земли поделены, и у каждого тут клумбочки и палисаднички с цветочками. У меня нарциссы с тюльпанами, у Юлии Павловны — куст шиповника благородного. А у Нины нашей каждый год космеи цветут, самые простенькие цветочки на свете, ромашки разноцветные. Ну, я не знаю, как ещё это назвать. Она каждую осень семечки соберёт, а весной в ладошках их потрёт, бросит в землю просто и бездумно, и снова эти космеи растут, как ромашки полевые, только разноцветные. Вот и сказала я ей не подумавши, что на тот год её клумбу перепахаю и засажу сортовыми тюльпанами. Не знала я, что это за космеи у Нины! Оказывается, Нинин муж в танке сгорел на Курской дуге, под Прохоровкой, в сорок третьем. Оказывается, она после войны туда на братскую могилу на Прохоровское поле ездила и семечки у отцветших уже космей собрала и здесь во дворе у себя под окошком посеяла. Так что эта клумба — как бы могилка её мужа. А “шкаф”, который к ней ходит, у него в Белоруссии в войну всю семью — и жену, и детей — в деревне фашисты заживо сожгли. А воевал он с Нининым мужем. Он начальником большим сейчас стал, и там, на работе, его никто не пожалеет, а Нина жалеет. Мы его тыловой крысой звали, а он тоже танкистом был. Так что не помню, за что Нина меня, но за дело, наверное, поколотила. А что же ты, Колоношшка, не выпил-то?

— Тогда, давайте, дамочки, вместе выпьем, помянем не вернувшихся! Я один не смогу.

На следующее утро весь двор увидел, что клумба Нины Верёвочкиной наглухо вытоптана, старательно, ровно-ровно, хоть паркет клади.

Решили дрянные ребята с “грязного двора” наказать Нину Верёвочкину, отомстить ей за отцов своих погибших и за мужа её, не вернувшегося с фронта, за то, что встречается она со “шкафом”, ну, и за то, что она тётке Марье нос разбила. Были там такие братья-близнецы Кучкины, шпана перспективная, да ещё один с ними, Ванята, им всем лет по двенадцать или тринадцать было, все трое — безотцовщина. У милиции до них пока что руки

не доходили: жалели детей фронтовиков погибших, а так, конечно, по ним уже колония плакала.

Рано утром сидела Нина Верёвочкина на нашей дворовой скамеечке около своей вытоптанной, как выбритой, клумбочки и плакала, глядя сухими глазами вверх крыш сараев в голубое летнее небо. Не плакала Нина, а тихонько выла.

Нина сидела и час, и два, и больше.

Потом пришёл наш участковый, Коля Крестов, привёл пацанов с соседнего двора. Пацаны пришли гордые и независимые и остановились рядом с участковым, когда он встал перед клочком ещё влажной, в тени густого куста сирени, земли, хранящей следы детских башмаков.

— Вот вы втроем, — начал свою короткую речь участковый Коля Крестов, — ночью совершили, по вашему мнению, подвиг — вытоптали маленькую клумбу с простенькими цветочками. Вы решили так наказать Нину Верёвочкину. Ну, не любите вы её, ну, не нравится вам, что ходит к ней этот “шкаф”. Только эти цветочки Нина привезла с братской могилы на Курской дуге, с Прохоровского поля, где её муж-герой сгорел в танке. Вы иногда вспоминаете своих отцов, которые не пришли с фронта, — они погибли! Вы сегодня ночью растоптали братскую могилу, в которой могли лежать ваши отцы.

Коля Крестов ушёл.

Потом ушла Нина Верёвочкина.

А пацаны не знали, когда и куда им идти.

.....

*Поздравляем нашего автора и коллегу, главного редактора журнала
“Нижний Новгород” Олега Александровича Рябова с 70-летием!
Здоровья, творческих удачи!*